

ратный ход — обретение только что избытой вещи, ибо и тот и другой путь *одолевались* именно в предметных формах.

Итак, *Роджер Бэкон* с его эмпирией, которую нужно демиургически-инокультурно обработать в *изделия*, не покушаясь при этом на создание всеобщего образа (ведь есть же божественный образ!). Но в противовес этому тот же *Роджер Бэкон*, но в кривом зеркале. Он видит себя алхимиком-анонимом, сомнамбулически, заклинательно изгоняющим одухотворенную вещь, овеществляющим *небо*; но зато конструирующим кривозеркальный образ алхимического *космоса*. Алхимик, изготавливающий всеохватное и з д е л и е — герметический универсум.

Обозначено противостояние. Начинается — должна начаться — давно началась встреча. В пределах одной культуры. В замкнутом мире этой культуры. В одной человеческой душе.

То, что слито у *Роджера Бэкона* — безмолвное *небесное* и гипертрофированное *земное*, — различимо в алхимии. Хотя и с поправками. В алхимии нет рефлексии — нет и личности. Зато есть изобретательская, во вселенском масштабе потенция.

Человек магистрального средневековья проходит — обязательно проходит! — сквозь алхимический *горн*, сквозь герметический *амбикс*. Равно и алхимик проходит через христианское, специфически средневековое послушание. На выходе — человек Возрождения, запечатлевающий в мозаической цельности текста рефлексирующий, идеализирующий конструктивный заряд ренессансной личности, обретшей новое обожествленное небо. Опять-таки слитность — новая слитность — безглагольного *земного*, но и гипертрофированного *небесного* (контраверза *Бэкону*). Диалог в замкнутом мире человеческой души — «монодиалог» *Роджера Бэкона* — избыл себя в молчании, хотя в итоге и завершился элоквенциями гуманистов Возрождения. Потребовались общения межкультурные. Но сама потребность в межкультурных взаимодействиях инициирована алхимией, оказавшейся существенной лишь в контексте той культуры, в которой она жила. Она катализирует преобразование этой культуры⁴⁸. Сама же в качестве живого и целого бесследно исчезает, всплывая в иных культурах лишь в виде реликтовых частностей (позитивный химико-ремесленный вклад алхимии; выпотрошенный оккультизм нового времени и прочее). Вот почему современные «частичные» толкования алхимии представляются понятными. Вместе с тем «частичные» проекции алхимии слиты в субъекте деятельности — человеке средних веков, ставшем Человеком нового времени.

Прорыв алхимического герметизма становится возможным лишь в сопричастных соприкосновениях средневековой культуры и ее паракультурной окраины. Но именно эти взаимодействия и есть проблема, в самой себе являющая парадокс. Еще раз попробую выявить ее через иное опреде-

⁴⁸ Средневековая судьба алхимии предсказана и предписана ее александрийским, эллинистически-египетским началом.